

*Светлой памяти
Михаила Николаевича Задорнова
посвящается*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Роман «Игорь. Корень Рода» является третьим в цепочке повествования о первых новгородско-киевских князьях периода становления и развития Русского княжества в IX-X веках. Читатель уже знаком с романами «Рюрик. Полёт Сокола» и «Руны Вещего Олега», написанными нами в соавторстве с Михаилом Николаевичем Задорновым. К великому сожалению, тяжёлая болезнь и преждевременный уход из жизни не позволили Михаилу Николаевичу принять участие в написании книги о князе Игоре. Поэтому данный роман мы посвящаем светлой памяти талантливейшего человека и нашего литературного друга.

Князь Игорь — первый древнерусский князь, чьё имя известно как византийским, так и западным источникам.

В летописях он предстаёт, как князь-неудачник, которого греки сожгли лодейным огнём, а потом, одержимого ненасытностью, убили древляне.

Однако ряд фактов позволяет нам оценить описываемые события под несколько иным углом зрения.

Никто из историков не уделил внимания тому очевидно-му факту, что после «поражения» греческим огнём, дружина Игоря не обратилась в позорное бегство, как это описывают греческие хроники, а принялась крушить побережья Стенона (так византийцы называли Босфор), предавать огню и разграблению азиатские византийские фемы — *«и почаша воевати Вифиньския страны, и пленоваху по Понту до Ираклия и до Фофлагоньскы земля, и всю страну Никомидийскую попо-*

лониша, и Судъ весь пожьгоша» (ПВЛ*). И длилось это три месяца — с июня по сентябрь. Так, из переписки двух митрополитов, Александра Никейского и Игнатия Никомидийского, мы узнаем, что россы хозяйничали во всей «Никомидийской стратигиде» (феме Оптиматов), доходя до ее столицы — Никомидии, находящейся на побережье залива Мраморного моря примерно в 100 км к юго-востоку от устья Босфора. Кроме того, письмо Константина VII Багрянородного, обладавшего в то время титулом императора-соправителя, к его другу и наставнику Феодору, митрополиту Кизика, свидетельствует, что нашествие россов парализовало морское сообщение между европейскими и азиатскими провинциями Империи.

Урон, нанесённый князем Игорем Византийской империи, был сопоставим разве что с уроном после голода и крестьянских восстаний 928-932 годов под руководством Василия Меднорукого. Роман Лакапин велел казнить Василия и в 932 году его сожгли на площади Амастриан, тем самым положив конец мятежу.

В 941 году пришедший за данью флот Игоря был частично сожжён греческим огнём, а пленные русы казнены на форуме Быка. Однако это не стало устрашением, а послужило причиной яростной мести со стороны русов, разорением азиатских фем и последующей экономической блокадой Константинополя. Только собранные со всех концов Империи войска и вернувшийся из Средиземноморья флот смогли одолеть русов и вынудить их уйти.

Именно по этой причине, когда Игорь через два года собрал большое войско вместе с союзниками-печенегам, Империю охватил ужас от недавних воспоминаний «кровавого пиршества россов». И поэтому «лучшие люди» Романа Лакапина поспешили навстречу в Болгарию, где у Дуная император предложил Игорю через своих посланников «дань, юже ималъ Олегъ, и придамъ еще къ той дани» (ПВЛ). Всем известно, какую великую дань взял у греков Олег Вещий в 907 году. И добровольно предлагать «ещё большую» можно было

* Повесть временных лет.

только при особых обстоятельствах. Такими обстоятельствами и был поход Игоря в 941 году, повторения которого Византия никак не могла допустить.

Вскоре после выплаты дани император Роман Лакапин *«присла...послы къ Игореви построить мира перваго; Игорь же глаголавъ съ ним о мире. Посла Игорь мужи свои къ Роману»* (ПВЛ). То есть, важнейшим направлением византийской дипломатии этого периода было заключение мира с русами, к которым император по собственной инициативе отправил своих послов. Этот договор между «русами и христианами» *«на вся лета, дондеже солнце сияеть и весь миръ стоитъ»* и был заключён в 944 году после обмена посольствами и взаимных клятв пред ликами своих богов.

В 1950 году в Придунавье румынские учёные обнаружили камень с так называемой Добруджанской надписью. Речь идёт о каком-то важном событии 6451 года (943 г.), связанном с Византией (начало не сохранилось). М.Н. Тихомиров* предположил, что в надписи говорится о походе Игоря на Византию (поход действительно состоялся в 943 году, а не в 944, как о том говорит ПВЛ, и договор Игоря с греками датируется, соответственно, 944 годом). Академик Б.А. Рыбаков предложил вариант реконструкции надписи: **«Дань взял князь Игорь на грецах в лето 6451 при Димитрии жупане»**. Добруджа называлась ещё Русским островом, так как была населена в основном выходцами из славянских народов. И не случайно сын Игоря Святослав Хоробрый пришёл в эти места и легко занял «80 городов по Дунаю», основав новую столицу Переяславец.

В ту же осень (по летоисчислению ПВЛ это был уже 945 год, поскольку начало года наступало 1 сентября), Игорь идёт за данью к древлянам, «замыслив» увеличить её, чтобы одеть свою «нагую» дружину. Вы представляете себе, читатель, размер богатства, только что взятого у греков? «Нагой»

* Михайл Никола́евич Тихоми́ров — советский историк-славист, источниковед, специалист в области истории культуры России X—XIX веков. Академик АН СССР (23.10.1953, член-корреспондент с 04.12.1946).

дружина Игоря быть никак не могла. Иное дело — порядок, по которому князь должен идти в полюдье. Из источников известно, что Игорь предоставил право своему воеводе Свенельду собирать дань с уличей и тиверцев, которых он покорил. Теперь же он поручил воеводе собрать дань также и с древлян, что вызвало недовольство со стороны дружинников. Далее разворачивается детективная история «жадности и покарания», описанная автором ПВЛ. Однако опять же факты — вещь упрямая. По византийским источникам (письмо императора Цимисхия к князю Святославу) оказывается, что Игоря убили не древляне, а германцы, казнив его своим «готским» способом. Воевода Свенельд возвращается цел, невредим, а князь Мал отчего-то сразу после убийства засылает к Ольге сватов. Ольга же со Свенельдом расправляются со всеми древлянскими посланниками, а затем дотла сжигают Искоростень, словно разом избавляясь от всех свидетелей.

В данном романе мы изложили свою версию событий, которая кажется нам логично оправданной.

Князь Игорь, названный впоследствии Старым, вложил свой камень в зиждительство Русского княжества, достойно оборонял его и укреплял, не утратив ничего из завоёванного ранее его отцом Рарогом-Рюриком и дядькой Олегом Вещим. Он положил начало династии Рюриковичей, правивших на Руси более шестисот лет. Последний из Рюриковичей — сын Ивана Грозного Фёдор не имел детей и скончался 7 января 1598 года в Москве. После его смерти стал править Борис Годунов.

Валентин и Юлия Гнатюк

Часть первая

**ХВАЛИССКОЕ
МОРЕ**

Пролог

Корень рода

Лета 6370 (862), г. Рарог, Вагрия

Князь Рарог отправился в Священную рощу. Он хотел один на один поговорить с волхвом Ведамиром, который в отрочестве был наставником и его, и Синеуса с Трувором.

— Доброе и великое дело задумал твой мудрый дед Госто-мысл, — выслушав ободритского князя, молвил старый кудесник. — Объединение Руси, укрепление её славных родов. Мыслью, в Новгородчине есть много лепых словенок, с которыми упрочился бы род Варяжской Руси? — с лукавинкой спросил волхв, как в душу заглянул.

Помолчали.

— Отче, — с усилием молвил Рарог, — я в поход собрался, хотел благословения у тебя и богов на дальний путь испросить. А мне нынче все о Роде твердят. Отчего-то смущение на душу легло, — признался князь. — Что посоветуешь, отче?

Ведамир поглядел куда-то вдаль.

— Скоро праздник Жатвы на острове Руян, тот великий день, когда раз в году Свентовид пророчествует. Испроси у Великого Бога совета, как тебе лучше поступить, — предложил учитель. И Рарогу показалось, что лукавая искорка опять мелькнула в очах старика.

Проходя на пристань с женой, матерью, братьями, Ольгом и верными охоронцами к лодиям, чтобы плыть на остров Руян, князь заметил странного человека, который сидел на колоде у дороги, ведущей к причалу. Вокруг него вились детишки, словно воробьи у случайно рассыпанного кем-то зерна. Человек показался ему знакомым, но вспомнить, где же он его видел, не мог. Рарог оглянулся, ища Вольфганга, молодого рыжего франка, который многое ведал о разных людях.

— Я здесь, княже, — будто услышав его мысли, откликнулся франк, появляясь из-за спин рослых ободритов. Словенская речь его была почти чистой.

— Скажи, кто это? — кивнул Рарог на худого нескладного человека.

— Так это же тот самый черпальщик, которого вы спасли с горящего драккара, — ответил Вольфганг.

— А почему вокруг него дети? — спросил князь, замедляя шаг.

— Он режет из дерева дудочки, свиристелки да игрушки разные, вот детишки вокруг и вьются. Ещё разговоры ходят, что те игрушки и свистки непростые, будто от всяких напастей они защищают, вроде обережников.

— Так он теперь тем живёт, что продаёт эти поделки?

— Нет, княже, он просто раздаёт всё детям.

Рарог, заинтересованный, пошёл к бывшему рабу и стал подле, наблюдая, как неспешно, но ловко старый почерневший нож с выщербленной ручкой вырезает добрую и потешную зверушку. Сделав последнее точное движение, нож замер, а морщинистая тёмная длань протянула зверушку девочке, которая глядела на неё, как на чудо, широко открытыми сверкающими радостью очами.

Черпальщик поднял очи на князя, и этот взгляд удивил Рарога. Он глядел на него и одновременно куда-то очень далеко, будто в сём взгляде помещалось всё, что было, что есть и что будет, и ещё много чего, людям неведомого.

— Как тебя зовут? — спросил Рарог.

Человек безразлично пожал плечами.

— Люди зовут Черпальщиком. — Потом взял из вороха лежащих рядом сучков и обрезков деревяшку и, показав её собеседнику, спросил: — А как ты назовёшь это? — Теперь

пожал плечами Рарог. — Если я вырежу из неё оленя, ты назовёшь его оленем, а если ежа, то ежом, если птицу — птицей, не так ли? — продолжал вопрошать Черпальщик. — Так что я держу в руке?

Рарог развёл руками:

— Я вижу корень...

— Корень Рода, — закончил бывший черпальщик и сделал несколько движений ножом. — Держи, князь, это твоему сыну, пока он будет при нём, ничего худого с ним не случится.

— Эге, человек, — рассмеялся Рарог, вертя в руках маленькую странную фигурку, — ты ошибся, у меня дочь.

— Это для твоего сына, — снова ровным голосом повторил Черпальщик и ещё раз так глянул на князя своими глазами без страха, зависти, радости или горя, что Рарог покорно взял маленького деревянного человечка и зажал его в своей крепкой длани.

— Почему ты не берёшь плату за свою работу?

— Вы меня спасли не за плату. От этого и моя душа стала другой, такой, что может творить чудо, а это нельзя мерить никакими деньгами. Это чудо — божий подарок, князь, вот я и делюсь им с другими. Не забывай то, что я тебе сказал...

— Чудной человек, да и, в самом деле, побывав рабом-черпальщиком на драккаре викингов, либо тронешься разумом, либо станешь мудрецом, не знаю, какой здесь случай, — сказал спутникам Рарог, продолжая свой путь к причалу и сжимая в руке странного деревянного человечка.

Глава первая

Годовщина Гвена

Лета 6420 (912), г. Киев

— Гляди, снова к Фарлафу воины скачут, да все не простые, поди, темники да тысяцкие! — Судачили промеж собой соседи воеводы Варяжской дружины, когда мимо, взметая крепкими конскими копытами облачка снега и расшвыривая

его заиндедеввшие куски по сторонам, проскакивали именитые киевские дружинники в сопровождении своих стремённых и охоронцев.

— Никак, стряслось что? — спросил один из зевак, отступая в сугроб, чтоб пропустить очередного конника.

— Гляди, а то не сам князь ли пожаловал? — второй указал рукой на ватагу из пяти всадников, с ходу въезжающих в раскрытые с самого утра резблённые ворота добротных владений воеводы. Один из них — широкоплечий, статный, в дорогом облачении, едва спрыгнув с седла, сбросил с плеч бобровую шубу, но тяжёлые меха даже не коснулись избитого конскими копытами снега, а были тут же подхвачены ловкими руками молодого стремённого.

— Точно, это он, сам князь Игорь! — подтвердил второй киянин. — По важному, видать, делу собираются!

Следом за верховыми к крыльцу терема подкатили небольшие, но искусно сработанные расписные сани. Возница, натянув вожжи, остановил крепкого конька, а скакавшие следом охоронцы спешили и помогли сойти молодой жене в роскошной собольей шубе и горностаевой шапке.

— Так князь не сам, а с женой своею, княгиней Ольгой пожаловал! — продолжали судачить кияне.

Седмицу тому воевода Варяжской дружины Фарлаф пригласил дорогих гостей почтить своим присутствием семейное торжество: полетье долгожданного внука. Это было важным событием, когда младенца показывают посторонним, ведь дети часто умирают до исполнения сего срока. Воеводу Фарлафа и его сына темника Айка князь Игорь уважал за смелость и верность, с которой они служили ему так же, как некогда отец Фарлафа Свен служил Рарогу. Суровые северные воины Варяжской дружины всегда восхищали Игоря, являясь как бы противовесом материнскому началу в его натуре, поскольку ворожея и целительница Ефанда продолжала иметь большое влияние на сына, даже когда он стал взрослым. Правда, после женитьбы, Ольга несколько оттеснила свекровь. А со дня смерти дядьки Олега Вещего мать стала ещё более молчаливой, будто ушла в свои миры, никому, кро-

ме неё неведомые, где вела долгие разговоры с теми, кого уже давно нет в яви.

Известие о смерти именитого дядьки для Игоря было столь неожиданным, что он долго не мог прийти к согласию с самим собой. С одной стороны, он всегда хотел быть самостоятельным, каким, по рассказам дружинников, был его отец Рарог, и таким же прославленным мирными и воинскими подвигами, как Олег Вещий. Однако, с другой стороны, он привык к постоянной, — явной, а чаще более незримой защите опытных дядьки и матери. И вот теперь он один. Правда, мать из далёкого Нов-града вернулась, да, видно, крепко переживает гибель родного брата, раз молвила, что в дела княжеские отныне не будет входить, и всё теперь ему, Игорю, решать предстоит. Да, с дядькой Ольгом нелепо как-то получилось, какая-то чёрная змея, выползшая из конского черепа, мать даже толком и речь о смерти его не желает. Мрачнеет враз и в себя уходит, будто в раковину прячется. Теперь всё сам, и отвечать самому, — непривычно, и даже где-то тревожно, хоть и не юный отрок давно.

Может, собрать сейчас вокруг себя верных изведывателей, как то было в обычаях Ольга, да они могут начать указывать, что да как делать, скажут: вот, мол, дядька твой всегда так поступал и так, а он ого-го, сколь опытен был, не тебе чета. Нет, не стоит, пусть своими изведывательскими делами занимаются, а в князьи им нечего соваться. Вот Айк, сравнительно молод ещё, с ним можно и суровым быть, и приказать, да и исполняет он всё без возражения, даже тогда, когда видно, что поручение ему не по нраву. И отец его, Фарлаф, надёжен и опытен. А вот Олег-младший верх привык держать, а сейчас, после смерти дядьки, может и вовсе на княжеский трон посягнуть, как его сын и наследник...

Игорь крепко задумался: кого же из друзей именитого дядьки стоит приблизить к себе, а кого нет. И чем более размышлял об этом, тем яснее понимал, сколь сложную ношу ему отныне предстоит взвалить на свои, в общем-то, во многом беспечные плечи. Он, наконец, осознал в полной мере, что прежняя жизнь закончилась, и возврата к ней больше никогда не случится, как не бывает возвращения умерших из

нави. Они могут приходиться только во снах, а как поступать в яви, надо решать самому.

Посему приглашение воеводы Фарлафа и темника Айка на весёлый семейный праздник Игорь, да и Ольга, которой скучно было сидеть целыми днями в тереме, восприняли с душевной отрадой.

Когда Игорь с Ольгой, раздурманенные с морозца, вошли в большую хоромину, все присутствующие встали, встречая княжескую чету радостными приветственными возгласами.

Рыжеволосый малец с внимательными, похожими на рысьи очами, ещё нетвёрдо, но деловито перебежал от одного воина к другому, тянул ножны меча или кинжала, а то и, всем на потеху, вцеплялся своими крепкими ручонками в усы кому-либо из варяжских военачальников, которых тут было немало. По случаю праздника одет он был в тёмные порты и шёлковую белую рубаху, вышитую обережными рунами, перепоясан ремешком с ножнами, из которых торчала рукоять маленького деревянного меча. К всеобщему восторгу именинник скоро извлёк меч и стал махать им, попадая по ногам и выставленным рукам взрослых, которые хохотали и ещё больше подзадоривали именинника.

К приходу княжеской четы, пир и разговоры были уже в разгаре. Раззадоренные мёдом и греческим вином воины, седоусые и молодые, невысокие рыжебородые выходцы из нурман и могучие, с бритыми подбородками воины из Варяжской Руси, русо- и темноволосые киевские дружинники старались убедить друг друга, в чём-то находя согласие, а в чём-то горячо споря.

— Да на Царьград, я тебе реку, идти надо, вот где добыча, вот где золото и паволоки! — убеждал рыжебородый воин, явно из свеев или норвегов, своего соседа со смоляными кудрями.

— На что нам тот Царьград сдался, коли у нас и земли, и зерна, и воска, и льна доброго в достатке, а рыба, а пушнина, а ... — возражал темноволосый.

— Верно, брат, Прослав, что земля даёт, то и наше, а как говаривали в старину, от лишнего пусть боги нас избавят,

ведь от лишнего человек сам всем лишним становится, — завивал русой головой третий собеседник.

Появление Игоря с Ольгой на время погасило горячие споры, и воины, сначала немного вразнобой, а вдругорядь и в третий раз дружно гаркнули:

— Слава князю с княгиней!!!

— Где ж наследник твой, темник? — обратился Игорь к Айку, когда они с Ольгой заняли отведённые им места во главе стола.

— Да вот он, — Аик подвёл мальчика.

— Как назвал?

— Свенгельдом, в честь прадеда.

Стоявший рядом воевода Фарлаф одобрительно кивнул, явно любуясь и гордясь долгожданным внуком. «Жаль, старый Свен не дожил, чтоб потешиться правнуком. Вот он, такой же шустрый и рыжеволосый, как все в нашем роду», — с теплотой думал Фарлаф.

Игорь, произнося здравицу младшему Свену, поднял его на руки, желая ему быть настоящим воином и защитником.

— А это подарки от нас, — молвил князь, доставая серебряный медальон, заказанный специально для именинника, и расшитую рубашонку, — сии обережные узоры княгиня сама вышивала, — похвалился Игорь.

— Великий Триглав, который приносит удачу в бою воину, охраняет от колдовства и несчастий! Да хранят вас боги, пресветлые князь и княгиня! — восхищённо воскликнул Аик, разглядывая тонкий витиеватый рисунок серебряного оберега, исполненного в виде трёхконечного переплетённого между собой змеевика.

— Это не простой оберег, он похож на наш древний скандинавский Мьёлльнир, — молвил растроганный воевода Фарлаф, подходя к сыну и рассматривая затейливый узор, сплетённый с трёхконечным змеевиком. — Символизирует корни Деревя Иггдрасиль, объединяющего три мира, — небо, землю и страну мрака. Помню, у отца был схожий....

Мать тем временем, дабы сделать приятное княгине, тут же, под одобрительные возгласы гостей, переоблачила мальчика в мягкую рубаху из лучшего северного льна.

Содержание

Вступительное слово	7
Часть первая. ХВАЛИССКОЕ МОРЕ	11
Пролог.....	13
Глава первая. Годовщина Свена	15
Глава вторая. Мойша Киевский.....	28
Глава третья. Новгородская дружина	39
Глава четвёртая. Переволок	51
Глава пятая. Шерван	60
Глава шестая. Хорь и Юлдуз	66
Глава седьмая. Сварожьи близнецы.....	85
Глава восьмая. Прощание.....	97
Глава девятая. Последняя битва.....	112
Глава десятая. Руяр — дух Вотана	140
Часть вторая. ДОЛГИ И РАСПЛАТЫ.....	149
Глава первая. Возвращение	151
Глава вторая. Долги	160
Глава третья. Свара	170
Глава четвёртая. Прощание.....	176
Глава пятая. Уход Ефанды.....	191
Глава шестая. Женский огонь	210
Глава седьмая. Оберег Свена.....	240
Глава восьмая. Новый стременной	250
Глава девятая. Стислав	258

Часть третья. ОГНЕННЫЙ ПЕРЕХОД	267
Глава первая. Олег Моравский	269
Глава вторая. Песах	284
Глава третья. Преследование	296
Глава четвёртая. Морской поход	311
Глава пятая. Пиррова победа	333
Глава шестая. Прорыв	351
Глава седьмая. Наследник	363
Глава восьмая. Дань на грецах	379
Глава девятая. Древлянское полюдьё	394
Глава десятая. Число перехода	402
Глава одиннадцатая. Огненное сватовство	412
Глава двенадцатая. Водослав	424
Эпилог	430
Словарь	433